

«Специалист по идиотизму»: Сергей Шнуров как социолог и конструктор повседневности.

[Оригинал статьи.](#)

Как реагировать на новый клип «Кольщик» группы «Ленинград»

Дети пошли в цирк, но цирк стал адом. Волной нарастающего безумия. Впрочем, до исходной точки безумия еще надо добраться, потому что вначале зритель застает лишь разлетающиеся его осколки. Которые постепенно, через реверсивную отмотку хроники, собираются в одну точку. А точка эта – маленькая девочка, пускающая мыльный пузырь под купол цирка. «Черный лебедь», как заметил бы Нассим Талеб.

Начало катастрофы часто бывает невинным жестом. Это не заговор, не иностранные агенты. Это девочка, в ее руках тубик с мыльной жидкостью. От жеста маленького человека может начаться сдвиг реальности – жест этот не учтет в своих прогнозах «экспертное сообщество». Нет данных.

Каждый фрагмент возникшего в цирке абсурда реалистичен. Его можно представить как скан реальности, даже отгрызенную тигром ногу, не говоря уже о взятке в вип-ложе губернатора, сексе в подсобке, вываливающемся из окна бизнесмене. Как у больного шизофренией – безумие не в отдельных фразах, а в их связях. Мы не понимаем, из чего эти мысли возникают и как сочетаются друг с другом. Нет центра, который их объединяет. По меткому замечанию кинокритика Александра Павлова, в этом клипе нет ни героя, ни исполнителя, что совершенно нетипично для этого жанра. Есть только набросок ситуаций, динамика хоррора.

Но тихое безумие живет внутри любой системы, она только с виду кажется рациональной. Более того, опыт подсказывает, что чем рациональней, тем безумней. Обратная сторона обезумевшего

цирка – с виду спокойный ход повседневности, раскрытый в более ранних работах «Ленинграда», где каждый персонаж – это своя форма истерики. Для классической социологии тоже мир упорядочен, размечен графиками, оформлен анкетными данными. Это успокаивает. Кажется, что этим можно управлять. Нелинейная социология, которая нужна сегодня, должна научиться видеть, что за всеми рациональными слоями – ядро алогизма, то, что нельзя вычислить и просчитать.

Никак не связаны и сюжет клипа с встроенной в него песней, удивляются далее критики. Реальная жизнь и публичный дискурс связаны еще меньше. У песни, помимо смысла, есть еще ритм, который задает восприятие видеоряда. Но постоянный процесс публичного выговаривания не касается повседневности человека вообще никак. Человек повседневности исключен из общественного дискурса как дешевый портвейн исключен из винной карты дорогого ресторана. Сомелье публичности морщатся, когда спрашиваешь. Полное расслоение двух уровней смыслов, невозможность на условно верхнем уровне (почти в шутку назовем его «элитным») смоделировать логику нижнего, и скрытое ответное презрение, рождает глобальные парадоксы последнего времени: Brexit, победу Трампа, рост антиэлитных движений в Европе. Дистанция в России не меньше, а может быть, и значительней. Эта дистанция когда-то обязательно сработает.

При всей своей маргинальности [Шнуров](#) – возможный посредник между мирами. Он выстраивает цепочки ситуаций. Каждая ситуация – некий модельный случай, который передается во все области социума, считывается всеми, потому что изначально берется из того же социума. Как раз набор этих случаев создает рисунок обыденного. Возникает «журнал смыслов». Сюжет новелл выстроен так, что он не нуждается в особых объяснениях, он очевиден и бьет прямой наводкой. «Мы вот так устроены», – говорит художник. Конечно, не очень привлекательно устроены. Рисунок может быть синтезом гламура и уродства, кича и пошлости, поэзии и мата, алкоголизма и бунта, быта и brutality, истерики и механического ритма – но вот так случилось. Кому

жаловаться?

олист группы Tambourinman Артур Григорян так ответил на мой вопрос о жанровой особенности Шнурова: «Это специалист по идиотизму. Когда в творчестве отображаешь абсурд, который одновременно является реальностью, то уже нет разницы между реализмом и гротеском. Пелевин, например, занимается тем же самым в литературе. Искусство у них становится документом времени, как Высоцкий отобразил эпоху 50-х–70-х». Потому что здесь общество узнает себя.

Власть задает свою идеологию. Оппозиция задает свою идеологию. Но девушке в питерской квартире это все неинтересно – как конструктор из скучных слов. Ей интересны лабутены, охота на самца, эффект – то, что входит в разметку и стимулы ее сознания. Она в другой плоскости. Ее не поймает сеткой ТВ. Ее мир строится по другим правилам, по правилам мира обыденного, который толком не научились даже осознавать. Кто его формирует? Тот, кто задает реальный трафик – транслирует образцы. В этом аспекте Шнуров больше политик, чем лидеры многих партий, движений и медийных программ. Он управляет массовым сознанием.

Эксперт Михаил Ковалев так комментирует мою позицию: «Религия нашего времени – трафик. Шнуров – человек-трафик, любой акт которого влияет на внешние среды. Все решает трафик, а не статусы, поэтому 90% королей вокруг – голые. В мире микса культур и жанров феноменом является то, что работает. А не то, что лежит догмой и грустит без внимания». А какие инструменты для изучения того, что и как здесь работает, существуют? Все формальные инструменты типа телерейтингов или индексов цитируемости нерелевантны.

Может быть, стоит завершить коротким консалтингом для авторов идеологических стратегий. Первое. Научиться различать ценность и особенности повседневности. Приоритизировать ее как основу общественных взаимодействий. Второе. Понять, какие инструменты реально влияют на эту сферу; не строить иллюзий, что для

управления здесь достаточно нескольких российских блокбастеров и казенной духовности. Третье. Научиться наполнять эти инструменты смыслами. Для этого, конечно, эти смыслы должны еще быть сформулированы. Непростая задачка.